

**Konferenz der Gruppe “Transkulturalität” der Forschungsinitiative
zusammen mit der DFG-Kolleg-Forschungsgruppe FOR 2603**

Transkulturalität im Ost und West Kontext

12. – 14. November 2019

Hotel „Deutscher Hof“, Trier

***

Dienstag, 12. November 2019

**Sektion I: Театр и перформативность
как кросс-культурное пространство
Theater und Performativität im transkulturellen Raum**

Ольга Купцова (Москва)

*Особенности культурного трансфера в драматургии и театре:
Россия, XIX век*

Особенности культурного трансфера в русской драматургии и театре первой половины XIX века связаны, в первую очередь, с полилингвизмом (сосуществованием русского, французского, немецкого и итальянского языках на драматической и оперной сценах), а также наличием одного европейского центра театральной культуры – Парижа, модели для подражания и соперничества. Гастроли французских актеров и актрис в двух русских «театральных столицах», наличие постоянной французской труппы в Петербурге наряду с русской создавали особые условия для усвоения, приспособления, трансформации и образцов актерской игры, и драматургических «сценариев», понимаемых как общеевропейские. В драматургической практике этого периода сложилось специфическое отношение к авторству: «чужой текст» при переводе часто подвергался разной степени переделке, получая (или не получая) при этом другое авторское имя. Нередки были случаи коллективного авторства. Общая для всего европейского театра система амплуа (наследующая системе масок), кочующие сюжетно-мотивные паттерны образовывали единое европейское «хранилище» театральной памяти.

С появлением в романтическую эпоху идеи своеобразия национальных культур, требования оригинальности сюжетов ситуация с театрально-драматургическим трансфером не изменилась коренным образом, но приобрела несколько иные формы. Выстраивание национального и европей-

ского пантеонов придало «лучшей» драматургии статус «классического» (то есть все того же образцового, незыблемого, в известной степени сакрализованного) текста. Персонажи (роли) таких классических текстов (прежде всего шекспировских – Гамлет, король Лир, Макбет, Отелло и т.д.) пришли на смену традиционных ампула, становясь в свою очередь своеобразными, авторскими «новыми ампула».

Режиссерский театр, возникший в конце XIX века, объединил, осмыслил и применил в сценическом искусстве начала XX века оба варианта культурного трансфера (случаи В.Э. Мейерхольда и К.С. Станиславского), создал почву для актуального и по сегодняшний день спор о границах «своего» и «чужого» в театральном искусстве.

Andrey V. Golubkov (Moscow)

Dom Juan and the French-Russian transfer: the problem of the (presumable) influence of Moliere's play on the works by Ivan Turgenev

The report deals with the relationship between Moliere's comedy Dom Juan and the works by Ivan Turgenev: possible direct influence or typological similarity. The starting point is Bazarov's remark in a dialogue with Arkady when he proclaims the rule "what's important is that twice two is four" as a certain nihilistic confession of faith. Bazarov's credo is exactly the same as Dom Juan's remark in Moliere's comedy. In a dialogue with his servant Sganarelle he claims that he believes "that two times two makes four". The report evaluates the possibilities of both direct borrowing of Dom Juan's quote by Turgenev, which can also be found in the poem Prayer (precisely in the context of the creed) and in the novel Rudin, as well as its unconscious ("bootleg") use. The argument is the analysis of the plot of Fathers and Sons, the novel which at the "narrative syntax" level reveals a paradoxical similarity with Moliere's comedy and the Western European legend of Dom Juan (in particular, the story of a sinner's death in contact with a statue / a deceased one).

Елена Пенская (Москва)

Театральные альбомы М.А. Булгакова как перекрестье языков культуры

В Пушкинском Доме (ИРЛИ) хранится 8 театральных альбомов Булгакова. К ним обращались театроведы, биографы Булгакова. Например, Анатолий Смелянский в своей монографии «Михаил Булгаков в Художественном театре» не раз упоминает альбомные материалы. Но такие обращения носят целевой и фрагментарный, служебный характер. Между тем авторский театральный альбом как уникальное целостное явление и сочетание языков культуры до сих пор не изучался. Его жанровая и эстетическая природа синтетична. В ней можно выделить несколько ипостасей. Это и архив, коллекция газетно-журнальных вырезок – рецензий, это и бытовые зарисовки, рисунки, записки, это и рабочая лаборатория, в которой апробируются

вались новые принципиальные для Булгакова, и шире – культуры 20 века – новые художественные формы, это и дневник, фиксирующий мелкие и важные для Булгакова события 1920–1930-х. Причем все эти элементы существуют не раздельно, а слитно. Рассматриваются принципы отражения в булгаковских альбомах нескольких «крупных сюжетов»: о Максе Рейнхардте и его «Йозефштадттеатре» (неотправленное письмо Max Reinhardt 5 апреля 1932); о постановках пьес Вальтера Газенклевера «Нашествие Наполеона» (1930) и др. Пьеса шла под названием «2 Наполеон 2», «Браки заключаются на небесах» в Театре сатиры, „Ein besserer Herr“ в обработке А.Н. Толстого в Театре б. Корша и в Ленинградской академической драме под названием «Делец»; в Студии Ю.А. Завадского ее назвали по фамилии героя «Компас». Газенклевер – один из бывших лидеров экспрессионизма, дистанцировался от его страхов, чувства уязвимости. Интерес Булгакова к пьесам Газенклевера отражен в альбомах. Виньетки, карикатуры сопровождают конспекты фельетонов Булгакова.

Алексей Лукашкин (Москва)

Рецепция авантурных сюжетов Понсона дю Террайля в рукописных черновиках М.А. Булгакова и А. Белого

Роман-фельетон как литературное и культурное явление XIX века лежит на перекрестке сюжетов и языков. Например, французские приключенческие романы активно переводились на русский язык и оказали социальное и литературное влияние на Россию последней трети XIX. В 1920–1930-е года авантурные сюжеты как интернациональный жанр по-прежнему востребованы в России. Так, романы Понсона дю Террайля о Рокамболе (1857–1870) находят отражение в рукописных черновиках М.А. Булгакова и А. Белого.

В театральных альбомах М.А. Булгакова, хранящихся в ИРЛИ (Пушкинский дом), можно найти выписки из романа Понсона дю Террайля «Похождения Рокамболя, или Драмы Парижа». Нередко он употребляет слово *rocambolisque* применительно к описаниям сюжетов советской жизни 1920–1930-х. В альбомах мы находим также фельетонные «каркасы», заготовки, в которых используются детали французской романной авантюристики, чьи элементы проникают и в прозу Булгакова.

В черновых материалах переписки Андрея Белого с Р.В. Ивановым-Разумником (ИРЛИ) (1880–1934) упоминается драма в пяти действиях и семи картинах с прологом «Червонные валеты» – названием, отсылающим к саге о Рокамболе. Этот спектакль режиссёра Б. Сушкевича был в репертуаре МХАТ-2 в 1928 году. А. Белый присутствовал на репетициях и оставил записи в черновиках неотправленных писем Иванову-Разумнику. Его роман «Петербург» также несет «память» о языках европейского, и, в частности, французского романа-фельетона.

Анастасия Зинченко (Москва)

Репертуар МХАТ-2 в в кросс-культурных и политических баталиях 1930-х

Выбор репертуара – это всегда война, расчет, план генерального сражения, на котором отмечен маршрут каждой боевой единицы – взвода, роты, полка, военной части. Эту мысль высказал Джоржо Стрелер (Giorgio Strehler), итальянский театральный режиссёр, актёр, театральный деятель, основатель и руководитель миланского «Пикколо-театр». В своей книге »Un theatre pour la vie. Reflexions, entretiens et notes de travail« (Fayard, Paris, 1980) Он исследует феноменологию спектакля в культурном и интеллектуальном контексте эпохи, и как практик делает это блестяще. Сравнительно короткая двенадцатилетняя история МХАТ-2 (1924–1936), одного из самых ярких театров в культуре в советской и европейской культуре первой трети 20 века, показательна. В докладе будут рассмотрены элементы, из которых складывалась репертуарная политика театра, интерпретация в прессе (общей центральной – «Правда», «Известия» и «цеховой» – «Новый зритель» и др.). Формирование режиссерского (прежде всего практика Михаила Чехова и Бориса Сушкевича) и шире – театрального многоязычия рассматривается в компаративном контексте на примере ключевых case-studies – состоявшихся и несостоявшихся постановок 192(6)7–1928 гг. (1926 – «Орестея» Эсхила. Режиссёр – В. Смышляев; 1927 – «Дело» А. Сухово-Кобылина. Режиссёр Б. Сушкевич; 1927 – «Взятие Бастилии» Р. Роллана. Режиссёр-постановщик В. Смышляев, режиссёр В. Готовцев; 1928 – «Закат» И.Э. Бабеля; Толлер присылал в Москву подробный конспект своей пьесы «Гоп-ля, мы живем!», центральную роль в которой драматург предназначал для М.А. Чехова). Данный период и выбор пьес показательны, поскольку 1928 год для театра является переломным. Михаил Чехов покидает Россию. Именно в это время окончательно оформляется диктат государства в культурной политике.

Михаил Одесский (Москва / Трир)

Пьесы Ивана Вырыпаева и риторика современного протеста (от «Кислорода» к «Иранской конференции»)

В России (и Западной Европе) протест и актуальная политика практически не объяснимы при помощи системы традиционных идеологем (бытовавших более ста лет). Для поисков других интерпретативных подходов чрезвычайно полезно обратиться к пьесам Ивана Вырыпаева, представителя так называемой «Новой драмы», которая стала фактом литературы и театра в новом тысячелетии.

Например, в прославившем Вырыпаева «Кислороде» (2002) доминирует дискурс уличного насилия (подростковая преступность, убийства, наркотики), но столь же важное место занимает политика. Она функционирует в

форме эмоционального протеста, который не подлежит адекватному формулированию посредством ясной идеологии. Можно предположить, что протестная политика, не вмещающаяся в идеологемы и почти хулигански экспрессивная, – вообще признак литературы XXI в., культурологически охарактеризовав это (вслед за Львом Рубинштейном) как своеобразное выражение постмодернизма. Такого рода десемантизирующую риторику протеста (как и риторику власти) корректно считать не отклонением от нормы, а другой нормой.

Соответственно, в пьесе «Иранская конференция» (постановка 2018 г.) политика – как и в «Кислороде» – по-прежнему играет заметную роль. Но теперь сюжет построен не на уличном насилии, а на интеллектуальном мероприятии – вымышленной научной конференции, которая посвящена трагическому конфликту Востока и Запада, «религиозного традиционализма и гуманистического рационализма». В ходе пьесы Вырыпаев подвергает тотальной критике и восточные, и западные ценности, но теперь при протестном обсуждении социальных вопросов отчетливо ставит акцент на духовных смыслах, не сводимых к политике. Эту спиритуализацию протеста правомерно толковать не только как эволюцию творчества единичного драматурга, но и как знак новой идеологической констелляции, требующей специального исследования.

Максим Кронгауз (Москва)

Политкорректные изменения в русском языке в начале XX и XXI веков: сопоставительный анализ

В 2010-е годы политкорректность стала одним из важных факторов изменений русского языка. Политкорректные изменения принимаются не всем обществом и вызывают дискуссии. Содержательно сходные изменения происходили в русском языке и на протяжении XX века еще до появления термина «политкорректность». В докладе сравниваются «политкорректные» языковые изменения разных эпох, анализируются причины, лежащие в их основе, а также связанная с ними рефлексия.

Особое внимание уделяется феминитивам, названиям женщин, парным по отношению к названию мужчины или человеку по какому-либо признаку: профессии, местожительству, национальности и т. п.

В докладе также обсуждаются перспективы политкорректных изменений в разных сферах и роль лингвистики и лингвистов в этом процессе.

Александр Пиперски (Москва)

Русские феминитивы как источник конфликта

В докладе рассматривается актуальная социолингвистическая проблема – образование существительных, обозначающих женщин – представитель-

ниц тех или иных профессий, и отношение к ним. Корпусное исследование показывает, что выбор нейтрального суффикса с феминитивным значением зависит от морфонологических характеристик основы:

– к основам на заднеязычные согласные присоединяется суффикс -иня (филологиня);

– к основам на незаднеязычные шумные согласные – суффикс -ка (космонавтка, искусствоведка);

– к основам на сонорные согласные с ударением на 2-й и далее слог от конца – суффикс -ша (продюсерша, скульпторша);

– у основ на сонорный с ударением на последний слог наблюдаются колебания (режиссёрка, режиссёрша).

Однако в данном случае нельзя говорить о чисто фонологическом распределении, поскольку описанные закономерности в значительной степени затемняются теми оттенками значения, которые говорящие видят в суффиксах иня, ша и ка. Существенно, что для разных говорящих эти оттенки разные: так, есть люди, которые считают суффикс ша пейоративным, а суффикс ка нейтральным, а встречается и противоположное отношение. В докладе будет показано, как эти типы отношения связаны с социологическими параметрами говорящих; в качестве иллюстративной базы будут использованы фрагменты из многочисленных обсуждений этой темы, которая стала чрезвычайно популярной в последние 5 лет.

Андрян Влахов (Москва)

На краю Европы: русско-скандинавские культурно-языковые связи в постсоветскую эпоху

Культурные и языковые связи между Россией и странами Северной Европы (в максимально широком понимании этого региона) измеряются веками: как коренное население этих территорий, так и позднейшие колонизаторы всегда жили в ситуации культурного обмена, проницаемых границ, языковых контактов и др. Русско-норвежский пиджин руссенорск, финно-угорский субстрат севернорусских и скандинавских диалектов, заимствование фольклорных мотивов; позднее – приграничное сотрудничество и трансграничная экономическая деятельность, политические проекты вроде Баренц-региона и «Северного измерения» и так далее – это реальность жизни в этом макрорегионе, делающая его уникальным.

В XX–XXI дополнительной гранью ситуации стали политические процессы – территориальные переделы в ходе войн, появление и падение железного занавеса и трансформация политических режимов изменили привычные паттерны контактов. В своём исследовании я анализирую полевые материалы из трёх различных районов соприкосновения России и Скандинавии: Северной Карелии (Россия-Финляндия), района Печенга-Сёр-Варангер (Россия-Норвегия) и архипелага Шпицберген (Россия-Норвегия) –

все они в постсоветский период стали важным точкам регулярного трансграничного социокультурного обмена.

Полученные данные позволяют мне утверждать, что важнейшей особенностью институциональных контактов по-прежнему является «выставочность» – в силу сложившейся разницы культурных и политических режимов, а также наследия прошлого паттерны кооперации носят практически исключительно рамочный характер («для галочки»). При этом контакты на низовом уровне (grass-roots level), напротив, развиваются в максимально широком спектре вариантов: от экспансивных языковых контактов (вплоть до русско-финского протопиджина) до трансграничных культурных проектов. Анализируя конкретные кейсы, я предлагаю описание контактной ситуации и сравниваю различные контактные зоны.

Александр Житенев (Воронеж / Трир)

Конфликт языков и культур в поэме С. Завялова «Четыре хороших новости» и цикле «Берестяные грамоты мордвы-эрзи и мордвы-мокши»

Одной из реалий современной России является практика сужения сфер использования языков малых народов, имеющая своим прямым следствием размывание их национальной идентичности. В современной русской поэзии этот процесс получил свое особенно острое выражение у С. Завялова, рассматривавшего практику культурной ассимиляции как «болезненную эрозию этнической и языковой идентичности дославянского населения России».

Цикл «Берестяные грамоты мордвы-эрзи и мордвы-мокши» (1997–1998) и поэма «Четыре хороших новости» (2008) создают пространство альтернативной истории, где этот процесс получает интерпретацию в мифологическом ключе. При этом если в «Грамотах» речь идет об истории вхождения мордвы в состав Российского государства, то в «Новостях» моделируется возможность выхода из него, связанная с появлением нового мессии.

В соответствии с этим выбирается и система жанрово-стилевых маркеров: архаически-«языческих» в одном случае и анахронически-«евангельских» во втором. И в одном, и в другом случае соседство языков и культур осознается как конфликтное, предполагающее не взаимодействие, а столкновение. Цель доклада – выявить сюжетные, стилевые, образно-смысловые аспекты этого столкновения.

***

Mittwoch, 13. November 2019

Sektion II: Transculturality put to test

Marina Kuropjatnik (Saint Petersburg)

*Conceptualizing Indigenous Cultures of the North of Europe:
Partial Relations and Multiple Inclusions*

Over the last two decades, the social, political and cultural “landscapes of diversity” (U. Beck) have undergone significant transformations due to the emergence of new patterns of migration, deterritorialization of culture and identity, as well as changes in transnationalization process. In this regard, social anthropologists have focused on the search for the new approaches and concepts, on the basis of which contemporary cultural diversity or “super-diversity” (S. Vertovec) can be described, investigated and explained. The concepts of “partial relations” (M. Strathern) and “intercultural relations” (F. Merlan) allow us to shift focus from the idea of the interaction of cultures as discrete entities to the creation of contexts of “joint life” by various social actors.

Multiple partial relations link communities and cultures that are conceptualized not only as ethnic, but also as traditional and modern, indigenous and non-indigenous. The idea of “partial connections” is relevant to the logic of transformations implying cultural continuity. Cultural continuity is understood as a consequence of a multiple partial inclusions, as well as an outcome of a combination of multiple transitions from local to global, from one context to another, from inside to outside.

Daria Vasileva (Saint Petersburg)

Transculturating Home – Homemaking in the age of Movement

The classic anthropological question of homemaking within processes of mobility and movement acquires a new meaning. The world where homes are (re)-making by people on the move, and at the same time, where home is still associated with place of birth, the idea of home seems to cope both with the fixity (pattern(s) of regular doings, appurtenance and belonging) and the necessary contemporary fluidity of a notion.

Applying to the empirical cases of people routine movements across national and state borders (in the contexts of academic mobility and highly qualified personnel labour mobility), the speaker argue that multiple, situational, individual, and paradoxical identity of a person on the move assumes that homemaking can be better understood in terms of assemblage (Deleuse, Guatary, 1988), coherence, hybridity (Bhabha, 1994), transculturality. Some attention will be paid to the concept home as an anthropological place that focuses on itself global cultural flows (Appadurai, 1996).

As part of the report, the author will also describe the different grounds of the human “sense of home” including their dependence on different types of movements, contemporary global sensescapes, gifts, photographs, images, information, risks, etc.

Markus Kaiser (Konstanz)

Transcultural academic milieus in the post-soviet world

In the Soviet Union and its successor states were and are science in general and space exploration and research especially highly internationalized. Intercultural cooperation is therefore more a continuum. The paper looks at transnational educational institutions (German-Kazakh University, American University and OSCE Academy) in Central Asia and people in professions related to space exploration and research in the former Soviet Union constituting transcultural academic milieus.

Lisa Johnson (Trier)

Beyond Transnationalism: Mobility after Migration – An Example of Jamaican Women’s trajectories from Montreal

A transnational orientation is useful to analyze Jamaican migration patterns and to understand how migrants do the splits between host and home countries. Through increased global interconnection and exchange via real-time electronic communication messengers, same-day money transfers as well as cheap air transportation, more and more people can participate in the (imagined) realities of others. Hence, the observation of socio-cultural belonging beyond national borders is relevant to discuss Jamaican women’s mobile practices after initial migration to Montreal and their aspirations to return to Jamaica. Their lifeworlds have a ‘here’ and ‘there’ of being and belonging to both places in different ways. Through their dual citizenship and active agency to engage in recurring travels to Jamaica female migratory afterlife becomes a privileged, mobile lifestyle beyond the confines of national frontiers. This talk will address the relationship between mobility, place-making, and belonging as a significant process that re-constructs and re-inscribes ‘place’ through female intercultural engagement. Ethnographic examples will highlight the socio-cultural practices and mobile endeavors of women in various locales between Canada and Jamaica. Female migratory trajectories become practical, indefinite and reversible tools and a strategy of betterment.

Vahe Sahakyan (Michigan-Dearborn)

Diasporization Unpacked: (Im)migration, Transculturation, and Diaspora

Challenging the structuralist approaches in the interdisciplinary field of diaspora studies this paper will critically analyze the process of diasporization from his-

torical and comparative perspectives. Primarily based on the examination of the Armenian case throughout the 20th century, in a comparative perspective, this paper will suggest three phases in the formation of diasporas. Phase one is the voluntary or forced dispersion of a culturally distinct population from their native lands, and their migrations to other countries. Depending on conditions in various countries, some of these dispersed populations may assimilate, others may put efforts to preserve their ethnic-cultural traits, yet others may form ghetto-like communities often due to structural exclusion or other local factors. Phase two entails processes of transculturation and establishment of (trans)cultural spaces of difference emerging in the ongoing cultural interactions and negotiations between the heritage culture of the immigrant populations and their descendants, and the dominant culture imposed by institutions of local societies. The third phase and final phase in the process of diasporization is the establishment and maintenance of translocal networks among these various (trans)cultural spaces of difference, that make possible the continuity of these spaces and a diaspora through the ongoing translocal exchanges of people, discourses, material and non-material resources among these spaces.

Mina Yang (Seoul)

The Transculturality of Korean Traditional Styled Performances: A Case Study on St. Petersburg's Korean Diaspora

This study investigates the transculturality of Korean traditional performances for the diasporic Koreans in St. Petersburg, Russia. In this presentation, first the author presents the discourses of transnationalism and transculturalism in South Korean society in brief, and then the immigration process of Korean-Russians, characteristics of Korean diaspora and the Korean cultural environment in St. Petersburg. Last the author examines the acceptability of Korean traditional styled performance “The Story of Two Brothers and Magic Pumpkins” (2012) were performed by Korean youth cultural-educational center “Nan” and Korean traditional dance group “Soun” in multicultural society.

Anthropological researches (participant observation, semi-structured interviews and case study) were carried out over seven years (2006–2012) while serving as a teacher of Korean traditional dance and artistic director of the Korean traditional dance group “Soun” (founded in 2003). This experience allowed the author to observe third and fourth generation Korean-Russians, Koreans and Russians living in St. Petersburg as a pseudo-insider.

Keywords: Korean diaspora in St. Petersburg, Korean Traditional Styled Performance, Korean Youth Cultural-Educational Center “Nan”, Korean Traditional Dance Group “Soun”

Caroline Schmitt (Trier)

*“Taking off the ethnicizing lens”. Migrant economies
as social spaces of culture and diversity*

The lecture gives insight into a qualitative-empirical study on “Migrant Entrepreneurship in Germany. Afro Hair Salons between Exclusion and Incorporation” (Schmitt, 2015). In Germany, the self-employment of people with migration experiences is growing; so far little is known about the business activities of those entrepreneurs coming from so-called third countries. In my study, I analysed how Afro Hair Salon owners in Germany experience their entrepreneurship, which strategies they develop to build and maintain their businesses and how the salons are incorporated into social structures in Germany. The main result of the case studies is that the salon owners are excluded from significant networks, they experience exoticism and bureaucratic-institutional hurdles. At the same time, they are developing strategies to successfully position themselves in the market despite challenging circumstances: They network against marginalization, mobilize monetary resources to overcome the institutional hurdles, gain vocational knowledge in transnational spaces, and address a broad clientele of migrants and non-migrants to fight against exoticism. These entrepreneurs are “agents of change” and “sociocultural entrepreneurs” (Roberts, Woods, 2005): They are developing new sociocultural ideas with the aim of their implementation. In doing so, they do not only expand the cultural (beauty) repertoire of society, but also want to change their societal positions and move from the margins to the centre (hooks, 1996). To capture these activities, we need to go beyond a “methodological nationalism” (Wimmer, Glick Schiller, 2002) and follow the entrepreneurs in their border-crossing business networks as well as in their mobile biographies (Marcus, 1995). It is these actors that bridge knowledge gained at different localities, regions and countries in a transnationalized businesses at a specific locality in Germany (Hollstein, Schmitt, 2013).

Astrid M. Fellner (Saarbrücken)

*Transcultural Ukrainian-Canadian Literature:
Marusya Bociurkiw’s Bordertextures*

This paper discusses works by Ukrainian Canadian queer writer Marusya Bociurkiw, showing how this writer engages the complex narratives of home, belonging, and crossing boundaries. Borders figure as bordertextures in her texts, constituting highly diverse forms of transgressions and movements, of in-between spaces, crossings, and zones of weaving patterns. Exploring how shifting geographic borders limit and redefine notions of home and belonging, I will zoom in on her culinary narrative *Food Was Her Country: The Memoir of a Queer Daughter* (2018), arguing that this narrative can be read as a queer transcultural narrative which engages the concept of bordertextures. Intervening in debates about displacement, diasporic identity, and national affiliation, Boci-

urkiw's culinary text also exposes the logic of "culinary citizenship" (Mannur 2010: 20), allowing the narrator to position herself vis-à-vis her home country via her affective encounter with food.

Anna Gavryliuk (Trier)

*Between media, poetry, and politics:
music project "The Mannerheim Line" by Serhij Zhadan*

Due to the recent political, social and economic tensions between Russia and Ukraine, it is necessary to discuss not only the political discourse in these two countries, but first of all the reaction in other relevant areas like culture, society and the new media.

The recent events in Ukraine (the Euromaidan revolution, the war in eastern Ukraine) and the Russian-Ukrainian conflict indicate the importance of a scholarly approach towards the country's transformation. Moreover, it seems necessary to emphasize the role of interdisciplinary research methods, particularly in the fields of literature, sociology and political science, which could help us to adequately reflect the complexity of the current situation in Ukraine.

Hence, this paper explores the media representation of conflict in poetry by Serhij Zhadan. In particular, it focuses on the role of YouTube as a platform for communication and literature. One of the best-known Ukrainian poets and writers, Serhij Zhadan (b. 1974), is famous for a combination of music, poetry, and video. Along with writing and publishing his books of poetry and novels, he is also a front man of the music band "Zhadan and the Dogs" and an author of the music project "Mannerheim Line".

***

Donnerstag, 14. November 2019

Sektion III: Transcultural Relations between Societies in Western and Eastern Europe

Petr Rezvych (Moskau)

Берлинские лекции Шеллинга и их русские слушатели

Берлинские лекции Шеллинга по философии откровения, прочитанные в 1841–42 гг, принадлежат к важнейшим культурным событиям XIX века. Международный резонанс публичного выступления Шеллинга был столь велик прежде всего благодаря представленной им резкой критике гегелевской философии. Для таких западноевропейских мыслителей, как С. Кьеркегор, Ф. Энгельс, Я. Буркхард или И. Дройзен, этот лекционный курс стал решающим импульсом к формированию собственных философских позиций в процессе критического размежевания с шеллинговской. На этих лекциях присутствовали и представители русской интеллигенции, в частности, М.А. Бакунин, М.Н. Катков, В.Ф. Одоевский, Н.П. Огарев и др. Среди слушателей позднейших лекций Шеллинга середины 1840-х гг. по философии мифологии и философии откровения также было немало русских слушателей (П.Н. Кудрявцев, А.Н. Попов, П.Н. Леонтьев, П.Л. Соляников и др.). Публичные реакции русских слушателей на содержание лекций, оставленные ими эпистолярные свидетельства и личные записи позволяют не только воссоздать атмосферу и содержание лекций, но и проследить пути и формы рецепции идей Шеллинга в среде русской интеллигенции. В докладе будет предпринята попытка оценить роль русских слушателей в процессе трансляции ключевых идей шеллинговской философии в российскую культурную среду в период, предшествовавший посмертной публикации собрания сочинений философа.

Anton Tsygurov (Moskau)

*Рецепция немецкого идеализма в прозаических произведениях
Сигизмунда Кржижановского*

Отличительной чертой творчества С.Д. Кржижановского является скрупулезное отношение к вопросам методологии создания прозаического текста; парадоксальным образом многие новеллы писателя представляют собой своего рода пособия по созданию художественных произведений (ср. «Книжная закладка»). Мастерство Кржижановского-стилиста позволяет поддерживать гротескный, почти травестированный уровень рефлексивности – основной нерв сатирического эффекта его новелл. В этом отношении метод Кржижановского зависит, не в последнюю очередь, от его тесного знакомства с философией немецкого идеализма, прежде всего с кантовской, и

поддерживаемой интенцией на полноценную реконструкцию философских аргументов на материале художественных образов. В лице Кржижановского представлен особый стиль рецепции немецкой философии российскими литераторами начала XX в.: как мы попытаемся продемонстрировать, в отношении новелл писателя в отдельных возможно реконструировать четкую структуру спекулятивной аргументации. Типически противоположный, в частности, мифопоэтической рецепции в модернистских романах А. Белого, такой способ актуализации философских потенциалов немецкого идеализма позволил Кржижановскому максимально приблизить и плодотворно применять их к анализу конкретных социальных, политических и экономических (помимо общеполитических и эстетических) феноменов.

Сказка-новелла «Якоби и якобы», которую современники называли самостоятельным «философским трактатом», предоставляет богатый материал для анализа возможностей семантического взаимодействия русского и немецкого языков; отталкиваясь от исторического спора С.Д. Кржижановского и Ф.А. Степуна по поводу возможностей «игры» с немецкой философской терминологией, мы проанализируем попытки Кржижановского вступить в эту игру, уделяя особое внимание его указанию на схожесть разработки им семантики русского «якобы» и использования Г. Файхингером немецкого „als ob“. Также на материале новеллы «Неукушенный локоть» и ряда других будет рассмотрена рецепция Кржижановским кантовского учения о трансцендентальном идеале чистого разума и развитие этого учения для осмысления проблемы революции, актуальной как для «младших» идеалистов, так и для самого Кржижановского.

Vladimir Avtonomov (Moscow)

Russian and European economic thought: several stories of interconnection

The history of Russian-Western cultural relations was complex and far from harmony. The opposition between Russia and Europe was based on ecclesiastical matters. The general principle guiding the Russian position towards the Western Europe has always been the pragmatic borrowing and imitation of instrumental and technical knowledge and skills combined with opposition to Western political and spiritual influence. This together with lagging socio-economic development of Russia influenced the reception of Western European economic thought in Russia and made it a subject of controversies among Russian historians of economic thought. In the majority of cases Western influence was received and modified in Russia but not transmitted back again. There were also several cases when Russian specificity was endemic and was not influenced from the West. But some especially interesting cases can be interpreted as belonging to a special scheme. In this scheme economic ideas usually come to Russia from the West. Then they are modified according to specific Russian circumstances. Among such modifying forces we can name the specific attention to

spiritual factors of economic activity, the importance of “peasants’ question”, the use of statistics and mathematics and, of course, the specific experience of building a socialist economy after 1917. Sometimes after the modification a certain feedback occurs – the modified ideas in their turn influence some Western economists of next generations. The most important examples of such West-Russia –West interrelations occurred after 1890 when the Russian economic thought gained maturity.

Мария Штейнман (Москва)

Дискурс власти и кризис ценностей в социокультурной реальности

В настоящее время все заметнее стали центробежные тенденции, касающиеся ценностных категорий общественно-политической и социокультурной реальности. Связано это, предположительно, со следующим парадоксом: свобода слова и печати, подкрепленная стремительной трансформацией медиасферы, стала предпосылкой для различного рода манипулятивных техник, используемых в политических играх. В качестве примера можно назвать, в частности, понятия «постправды» и «альтернативных фактов». Отдельно следует отметить вопрос апроприации истории со стороны тех или иных властных структур в зависимости от политической повестки. Сама концепция истории также претерпевает изменения, двигаясь от исторического факта к сторителлингу. Эти и другие тенденции можно проследить как на примере ситуации вокруг Брежневита или политики президента США Д. Трампа и его окружения, так и Евросоюзе и – не в меньшей степени – России.

Отражение кризиса либеральных ценностей можно проследить на самых различных уровнях, но наиболее показательным является сфера массовой культуры. Дискурс власти в ней является одновременно субъектом и объектом коммуникации. Как субъект коммуникации он выступает в качестве отправителя сообщений. В этом случае сообщение будет четко маркировано в соответствии с текущей политической конъюнктурой. Гораздо интереснее проследить ситуацию, когда дискурс власти является объектом анализа или рефлексии. И целый ряд примеров недвусмысленно указывают: на данный момент девальвация либеральных ценностей находит свое выражение в концепции «politainment». Это можно проследить, в частности, на примере сериалов «Игра престолов», «Слуга народа» и др. Иными словами, ценности и смыслы становятся частью зрелища. В результате а) размывается концепция либерализма, б) общественность трактуется властью как публика, в) доверие к власти как институту существенно снижается.

Алла Полянина (Нижний Новгород)

*«Проблема консенсуса в понимании вредоносного контента
в современных медийных продуктах»*

Медиатизация жизненного пространства (Коломиец), увеличение концентрации информационного шума с одной стороны, вызывает соответствующую когнитивную адаптацию человека, а, с другой – требует от него способности к фильтрации. Важнейшим вопросом остаётся признание общих для всех критериев вредной информации, а также признание самой возможности причинения вреда со стороны медиа. Проблема фокусируется вокруг признания существования общих для человека ценностей и благ. Отказ от ценностей (идеалов, норм) может означать отказ от признания существования опасности в отношении общепризнанных благ, включая отрицание вреда от информации. Например, признание определённым обществом ценностью «жизни и развития», означает признание приоритетного значения детства и детской группы, признание приоритета интересов детей над правами и интересами взрослой группы. Блага, принятые в обществе, есть некие общие «болевы́е точки», «сфера стыда» в культуре или «уязвимости», фокусирующие на себе внимание, в том числе усилия по сокрытию от детей информации. Ими бывают: половые отношения, традиции и нормы, использование одурманивающих веществ, пределы допустимости агрессии, нормы языка и т.д. В разных культурах акцент на уязвимостях может смещаться в одних культурах это область пола и половых отношений, в других – насилие. Отсюда возникает феномен «взрослой тайны», информации, доступ к которой для детей закрыт в целях их же защиты. Отказ от «взрослой тайны» есть эволюционный откат и возвращение к доцивилизационному общественному устройству. Например, в диких племенах отсутствует сведения, охраняемые взрослыми от детей с целью защиты самих детей. Открытость для детей всех сторон взрослой жизни не признаётся опасным. Можно выделить два уровня консенсуса: территориальный (международный) и внутрисоциальный (внутригосударственный) при общем культурном, языковом, мировоззренческом пространстве.

Nikita Pokrovsky (Moscow)

Life after the city: innermost house in literature and applied experiments

Currently, in Russia there is a reduction in the developed territories outside large cities and megacities. The rural population concentrates around small towns (periphery with a radius of 5-8 kilometers) and around regional centers – up to 20 kilometers radius. The rest of the space is, in general, in a state of depopulation and attenuation of economic activity. As mega-cities turn into huge agglomerations and fire-breathing Leviathans (Moscow and St. Petersburg in first place), the potential of return migration from cities to rural areas and small towns, providing a more comfortable living environment and productive creative work,

is maturing. Sometimes this flow of migrants is called “dacha migration”, sometimes “reverse migration”, “return migration”, other terms are used. This is a fairly well-studied phenomenon of Russian life dating back to the 19th-beginning 20th century, including the well-known works of Anton Chekhov (the play *Cherry Orchard*), Leo Tolstoy (*Yasnaya Polyana* phenomenon), Maxim Gorky (the play *Summer Folks*), Boris Pasternak (the phenomenon of the *Peredelkino* enclave). The paper deals with a phenomenological reconstruction of the “life-world” of urbanites who buy houses in the countryside for recreation and begin to create a different, non-urban models of existence, the center of which becomes a rural log house. The empirical frame is made up of the so-called “distant dachas”. These are houses bought by urbanites in the villages in the peripheral rural areas located more than 400-600 km from the capitals – Moscow or St. Petersburg. This process is accompanied by the formation of a special “life-world” (in terms of phenomenology) among the townspeople with its mental structures such as “home”, “hearth”, “possession”, “historical past”, “world of belongings of previous owners”, “abandonment in space”, “solitude”, “significant other”, “archaica”, et al.

David Hock (Princeton)

*Scholium and Bildung: Aleksandr Skidan's «Схолии»
and the Return of the Romantic*

<и Гете Гете конечно!>
– СХОЛИИ (1999)

How does one articulate a canon for an age whose defining feature is its orphaned relation to history? To take up a concise functional, rather than literary-historical definition of how a small group in Jena acted upon this question around 1800, Lacoue-Labarthe and Nancy write in *The Literary Absolute* that romanticism marks the beginning of “theory itself as literature or, in other words, literature producing itself as it produces its own theory.” We might add that it also produces its own history. Its problems are our problems, understood as Jena’s long shadow: epistemology as a first philosophy; an anti-mimetic corollary in the dialectic of truth and irony; an art emptied of qualities to such an extent that the figure of the artist and / or ‘subject’ is all that remains. Aleksandr Skidan and others in the [Translit] group not only firmly belong to this tradition but they arguably inaugurate it in a Russian context, whose previous ‘romanticisms’ engaged literature, it is true, in the question of its own identity, but never – even in the case of Formalism – left behind the binary opposition of art and life in order to enter into critique as an aesthetic ideology. To perceive the forceful return of these stakes in post-Soviet ‘modernity’ and its ‘avant-garde’, we will trace backwards the commanding motives of a transnational and trans-historical genealogy that Skidan himself provides.

Alessandro Achilli (Melbourne)

The Nation and its many Voices:

Reading Contemporary Ukrainian Poetry through a Transcultural Lens

The political and cultural history of modern Ukraine is characterised by a dynamics of alternance and competition between an ethnocentric national model, directed towards the strengthening of those ethnic and cultural traits that distinguish Ukraine from its neighbours, and the opposite recognition of and support for a civic conception of the Ukrainian nation, one that cultivates its deep multicultural and transcultural nature. Since its flourishing in the Baroque era, when it served as a bridge between the West and Russia, Ukrainian literature has reflected the multicultural history of its country through the variety of its languages, confessions, and cultural points of reference. While Ukrainian modernism called into question the romantic view of Ukrainian literature as the leading moral authority for a stateless, but ethnically homogenous nation, the clash between a conservative ideal of the relationship between literature and nation and an opposite (post)modern approach has re-emerged in recent times as a consequence of the ongoing war in the Eastern part of the country. In my paper, I shall attempt to delve into the deep transcultural connections of contemporary Ukrainian literature, focussing on poetry. I shall explore how multilingual Ukrainian poets incorporate Ukraine's transcultural history in their poems (e.g. Iia Kiva, Alex Averbuch), how Ukrainian poets who live abroad enrich the Ukrainian poetic tradition by exposing it to other cultural spaces (e.g. Vasyl' Makhno) and how Ukraine's many stories may fit into the country's current nation-building agenda (e.g. Kateryna Kalytko).

Ekaterina Friedrichs (Trier)

Об «андрогинных» мотивах в современной русской поэзии

Андрогиния (др.-греч. ανήρ мужчина + др.-греч. γυνή женщина) – явление, при котором человек проявляет одновременно (необязательно в равной степени) и женские, и мужские качества; андрогинность во внешнем виде является сочетанием мужских и женских признаков, ср.: «Андрогин – равновесие противоположных принципов: мужского и женского, активного и пассивного, animus и anima». Концепция андрогинии была предложена в начале 70-х гг. американским психологом Сандрой Бем; в своей книге “L' un est l' autre” (1986) французский философ Элизабет Бадинтер пишет о революционных изменениях в отношениях полов (в связи с принципиальной доступностью сфер науки, политики и культуры, десексуализацией труда, самоопределением женщины, обновлением отношения к отцовству и проч.) и утверждении нового, андрогинного человека. Исследуя изменения в современной культуре, Жан Бодрийяр указывает, с одной стороны, на сохранение различий мужской и женской моделей, а с другой – на очевидное появление «третьей» модели гермафродита (см. «Общество потребления»;

ср. также индустрию моды и сферу рекламы). Так или иначе, андрогиния, оставаясь в культуре явлением скорее маргинальным, участвует на правах трансгрессивного феномена в формировании разнообразных форм актуальных смысловых дискурсов.

Поле функционирования подобных смысловых дискурсов выступает современная поэзия. Андрогиния в художественной литературе не ограничивается поэтизацией образов обоеполюх или, напротив, бесполох существ; она проявляет себя в художественном письме как определенная дискурсивная стратегия. Среди соответствующих маркеров данной стратегии можно назвать следующие: совмещение мужского и женского «сценариев», размывание / разрушение оппозиций, «двойные послания» и парадоксы, рассогласование между значением грамматических форм и их дискурсивной реализацией, «осциллирующая» перспектива высказывания и проч. На разнообразных примерах из поэтических текстов А. Глазовой, Е. Фанайловой, Н. Кононова, Г. Лоран, Н. Ямаковой и др. в докладе будет рассмотрена поэтико-языковая специфика «андрогинных» дискурсов в современной русскоязычной поэзии.

Юрий Орлицкий (Москва)

*Новая волна транскультурных обновлений русского стиха:
«персидская» строфика (газель, рубаи) Е. Шешолина и анафорическая
рифма («толгой холболго») Дугарова и Улзытуева*

В конце XX – начале XXI вв. в русской поэзии возникает новая волна обновления русского стиха под влиянием стиховых форм, заимствуемых из иноязычных версификационных систем, успешно интегрируемых в национальную стиховую культуру.

Формы строфической организации стихотворной речи, ориентированные на персидскую поэзию (газель, рубаи) возникают в русской поэзии – прежде всего через немецкое посредство – еще в начале XX века, затем получают мощный импульс в советский период, благодаря прежде переводческой деятельности крупнейших русских авторов (А. Тарковского, С. Липкина и др.), а также появлению русскоязычных поэтов Средней Азии (С. Мадалиев и др.); в докладе это явление рассматривается на примере книги Евгения Шешолина «Первый Северный Диван» (конец 1980-х гг.), безусловно ориентированной на «Западно-Восточный диван» И.В. Гёте.

Во второй части доклада рассматривается обогащение новейшего русского стиха за счет введения в него в 1990–2010-е гг. анафорической рифмы («толгой холболго») русскоязычными бурятскими авторами Б. Дугаровым и А. Улзытуевым, сочетающейся в их поэзии с традиционной конечной рифмой и разными типами стиха, от гексаметра до верлибра.

Alexandra Tretakov (Trier)

Множественность переводов поэзии П. Целана на русский язык на примере стихотворения „Corona“ (1948)

В докладе анализируется множественность переводов поэзии Пауля Целана на русский язык на примере шести вариантов стихотворения „Corona“, предложенных с 1975 по 2018 гг. В России последних двадцати лет Целан приобрел огромную популярность: его работы читаются, комментируются и интерпретируются, сегодня существует широкий спектр переводов. Тем не менее, поэзия Целана по-прежнему ставит перед переводчиками – в основном они профессиональные поэты – исключительно трудную задачу и требует особенно творческих стратегий для создания языковых структур и воспроизведения глубоко скрытых слоев смысла оригинала. Знаменитые „Todesfuge“ и „Psalm“, а также и многие другие тексты Целана, в том числе „Corona“, предложены не менее чем в четырех-шести русских вариантах. Ведь наиболее близкий образ оригинала может быть дан на языке перевода лишь посредствам совокупности многих переводов (Чайковский / Лысенкова 2013: 83). Множественность переводов свидетельствует о: а) широкой творческо-продуктивной рецепции Целана в России, б) сложной структуре оригинала, который открыт для нескольких переводов, но значительно затрудняет перевыражение на целевом языке, и в) определенной неисчерпаемости и бесконечности оригинала.

Доклад посвящен сравнению указанных переводов с точки зрения переводческой техники и стиля, а также вопросу о причинах возникновения все новых и новых русскоязычных вариантов стихотворения „Corona“.

Angelika Schmitt (Trier)

Стихотворение как транскультурное сакральное пространство у Геннадия Айги (на примере «Возникновения храма»)

Чувашский поэт Геннадий Айги называл современное, свободное от классических поэтических форм стихотворение «словесно-духовным сооружением» и «неповторимым храмом». На примере стихотворения «ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРАМА» будет продемонстрирована, как это поэтологическая установка реализуется в конкретном стихотворном тексте на разных уровнях (иконографии, тропики, морфологии, синтаксиса, ритмики, орфографии, фонетики). Синтезирующий взгляд на композицию стихотворения в целом выявит его функциональность как транскультурное сакральное пространство.

Henrieke Stahl (Trier)

An Answer to the Challenges of the Anthropocene: Aura and the ‘World-Open Subject’ by Georg Picht and in Christian Lehnert’s “Tree Conversations”

The German philosopher of nature Georg Picht further developed Walter Benjamin's concept of "aura". Picht understands aura as an interference relationship

between subject and phenomenon. In an interference relationship, the subject becomes open to the world; the interference precedes the separation of subject and object. For Picht, art, especially music and poetry, is a medium through which this form of cognition can be realized. Poetry becomes a specific form of nature cognition when it is oriented towards aura perception and itself develops auratic characteristics in the poetic form. Picht's concept of aura is suitable for describing more recent nature lyric, as I demonstrate by analysing poems by the German poet Christian Lehnert.